НОВЫЙ СОСЕД

Было это в 1995 году.

Я не помню, когда появился в нашем дачном посёлке новый сосед. Я бы не узнал о нём, но переулки у нас узкие — двум машинам не разъехаться. Пришлось стучаться в ворота — просить, чтобы он убрал машину во двор. Так я познакомился с коренастым мужиком, на вид лет тридцати пяти, спортивного телосложения. В дальнейшем при встрече мы с ним всегда здоровались. Однажды, приехав на участок, я увидел, что он опять оставил машину на дороге, и снова пошёл к нему.

Подойдя к воротам, услышал громкие, несдержанные, переходящие в ругань голоса. А когда зашёл во двор — увидел, что двери дома оторваны, а на грядках следы. Кто-то рвал морковь за ботву, а вырвав, бросал тут же на грядку, потому что морковка ещё мелкая. На огуречной грядке была порвана полиэтиленовая плёнка, по двору раскиданы зелёные помидоры.

— Я выловлю этих подонков! — сказал зло сосед.

Я тоже мог ему «похвалиться» тем, что эта шпана побывала и на моём участке, оставив там свои следы.

Стоял август, уже можно было собирать кое-какой урожай. Ягоду и лук я успел убрать, оставалось собрать помидоры и капусту, а картошку уже бичи вырвали. Видимо, рвали ночью за ботву: что вырвалось вместе с ботвой, то и забрали. Мне пришлось потом перекапывать каждую лунку.

А что я хотел? Под горой три девятиэтажных общежития. Люди, живущие в этих коробках, «помогают» нам собирать наш урожай. Они тоже кушать хотят. В общем, плюнул я на дачу, не желая работать на дядю, и недели две туда не ходил. А потом жена меня попросила всё-таки съездить на участок, нарвать укропу и зелёного лука. Пришлось ехать.

Когда подъехал к переулку, то увидел на проезжей части машину соседа. И опять пошёл к нему. Подходя к воротам, услышал его громкий голос, а ещё чей-то плач. Я открыл калитку и увидел: трое бичей сидят на земле, рядом с каждым из них по кучке зелёных помидоров, а сосед стоит сзади них и бьёт их по ушам черёмуховым прутиком.

— Жрите, гады, или закопаю всех! — говорил сосед громко.

«Гады» ели, но если кто несмело кусал зелёные плоды, то сосед с силой заталкивал ему помидорку в рот. В середине тройки сидела женщина, левая нога её была привязана к правой ноге одного мужика, а правая — к левой второго. Сосед продолжал хлестать бичей по ушам.

— Пока всё не съедите, не отпущу.

Когда все помидоры были съедены, он сказал мне:

— Бери лопату, пойдём закапывать.

Я взял лопату, он тоже вооружился и снял верёвки с троицы.

Стоя по бокам арестантов, подталкивая бичей в спины, мы повели их на окраину.

Наши дачи расположены у края крутых гор. Сразу за забором — уклон градусов на сорок пять — пятьдесят, заросший крапивой и шиповником.

Когда подошли к самому обрыву, бичи поняли, что мы не шутим, и как по команде бросились вниз. Кто-то из них сразу полетел кубарем, кто-то упал и покатился на животе, как пингвин по снегу. Когда они докатились до кустов шиповника и крапивы, раздались такие дикие возгласы, какие, наверное, издают те, кого жарят на огне. Хотел бы я посмотреть, какими они стали, когда оказались внизу горы.

Конечно, меня интересовал вопрос: как сосед сумел поймать воров? Оказывается, он с утра пораньше занял позицию в переулке. Как только рассвело, появилась эта троица, марширующая на мой участок. Он дождался, когда два невзрачных мужика и женщина наберут овощей, и выловил их на выходе из ворот.

Сосед похвастался, что много занимался боксом, так что не боялся двух хилых мужичков.

Больше непрошеных гостей в тот год на участках не было.

ТАЙМЕШОНОК ИЗ-ПОД БРЁВЕН

Вечер явно не удался. Была пятница, мы приготовили снасти для рыбалки, в шестнадцать часов были на вокзале, однако электричку на шестнадцать часов отменили, пришлось ждать следующую электричку. За десять минут до отправления пришла электричка с переполненными вагонами, так как с двух электричек кое-как разместились.

Наши попутчики предложили сыграть в подкидного. В общем, за разговорами, за игрой нужную станцию проехали. Схватились, когда электричка проезжала мост через реку. Шум пролётов моста напомнил нам, что мы проехали. В Дивногорск приехали в восемнадцать сорок пять. Следующая электричка только в двадцать один сорок. Какое было разочарование: торопились на вечерний клёв, а попали в переплёт. На маршрутном автобусе в назначенный пункт прибыли в девятом часу вечера. Зашли в магазин, купили пять булок хлеба и бутылку водки.

Когда вышли за пределы деревни, мой напарник Александр, по прозвищу Больной, вспомнил, что не купил курево. Оставил рюкзак возле картофельного поля, положил на него две булки хлеба. Его не было минут двадцать. Когда он вернулся, хлеб на рюкзаке исчез. Интересно: никого не было, а хлеб исчез. Смотрим по сторонам, а наши булки ползут между рядков картофельного поля. Мы даже удивились: как это так — хлеб сам ползёт? Однако когда пригляделись — это суслики передними лапками держат булки и пятятся назад. Они сами величиной с булку, да ещё и цвета одного. Было интересно наблюдать, с каким усилием и старанием наши воришки тащат булки. Больной говорит:

— Да ладно, пусть тащат, я ещё схожу, раз на вечерний клёв не попали, куплю ещё хлеба и бутылку водки.

Когда он ушёл, мне стало интересно, куда делся хлеб. Нашёл булки, торчавшие в норах. Я попытался вытащить хлеб. Суслик с таким усилием держит, он даже за хлебом показался из норы, стараясь держать хлеб, да ещё и издавая такой писк, что мне стало жалко бедного трудягу. Когда подошёл Больной, мы ещё некоторое время подразнили сусликов, потом около часа шли до запани.

Так как по Мане сплавляли лес, специально делали затор. Потом партиями отправляли лес потребителю. На затор пришли в одиннадцатом часу вечера. Нашли между брёвнами водяное зеркало, течение здесь тихое, так как брёвна держат течение воды. В этом месте сварили ужин из брикетов и тушёночки, выпили за неудачный вечер. Здесь же, на брёвнах, заночевали. Так как брёвна плывут хаотично, они наслаиваются в несколько слоёв друг на друга; лучше спать на брёвнах, чем на сырой земле.

С утра позавтракали, выпили по пять граммов, набросали хлеба в воду между брёвен. Перед тем как бросать, хлеб разминают, как тесто, делают колобки, вовнутрь колобка закатывают камушек, желательно корявый, чтоб хлеб подольше держался. Если стая рыб обоснуется возле хлеба, то можно поймать три-четыре килограмма рыбы. Так и в этот раз: клёв был отменный — и вдруг разом прекратился, как отрезало. Это значит, что подошла крупная рыба — хищник.

Смотрю, мой Больной закурил и что-то бормочет. Он часто так: закурит, о чём-то думает и что-то бормочет себе под нос. Я спрашиваю:

— Ты что бормочешь?

А он отвечает:

— Нашёл миллион, думаю, куда деть.

Я говорю:

— Что зазря сидеть? Лучше возьми рыбу почисти.

Он так и сделал: забрал всю рыбу, отошёл от меня на три-четыре метра, нашёл небольшое отверстие воды в брёвнах. Сам чистит и что-то бормочет. Через некоторое время он подбежал к рюкзаку, что-то взял и вернулся назад, где чистил рыбу, притих. Через несколько минут слышу — орёт:

— Помоги!

Я к нему, а он стоит на коленях, правой рукой упирается в бревно, а левая рука в воде по самое плечо. Кричит:

— Помогай, не могу вытащить руку, у меня леска на пальце, того и гляди оторвёт палец.

Я сунул руку в воду по самое плечо, нащупал леску и стал тянуть. Поддавалась, но очень тяжело, и всё время дёргает. Здесь и мысли разные в голове: может, это бревно или ондатра?

Однако когда вытащил лески метра два, Больной тоже вытащил руку. Фаланга указательного пальца на левой руке была синей. Держу леску в руках, рывки на другом конце лески усилились. У меня у самого разыгралось любопытство: что там такое? Сколько я ловил крупной рыбы на спиннинг — все рывки рыбы амортизировал спиннинг. А вот голыми руками тащить из воды непонятно что? И лишь когда я вытащил лески около четырёх метров, я понял, что это рыба. Леска мокрая, руки мокрые, леска скользит между пальцев, у меня даже появились надрезы на руках. В общем, сколько верёвочке ни виться — приходит конец. В конечном счёте я вытащил таймешонка, около шести килограмм. У меня, естественно, возник вопрос, как мой напарник поймал рыбу и намотал леску на палец. Он рассказал, что когда начал чистить рыбу, внутренности бросал в воду.

— Смотрю, они крутятся, крутятся, потом хлопок — и внутренности исчезают. Я понял, что это большая рыба. Ты же видел, что я бегал к рюкзаку, взял леску ноль восемь миллиметра и тройник, надел внутренности на тройник и бросил в воду. Просто я не думал, что будет такой рывок. Это хорошо, что было малое отверстие между брёвнами, а то бы нырнул в воду под брёвна.

Мы ещё некоторое время возились с пальцем, так как леска врезалась в него, пришлось резать леску вместе с кожей пальца. Сколько ни старались срезать леску, однако порезали палец до крови, что поспособствовало кровообращению в пальце. До вечера Больной ходил с пальцем и не знал, куда его деть. Я предложил ему пойти на берег, где был родник. В холодной воде боль утихла.

К вечеру мы ещё поймали около двух килограмм рыбы, сварили уху, выпили бутылку и легли спать. Однако Больной крутился всю ночь, не мог заснуть, так как у него очень сильно распухла кисть руки. Да ещё ночью бродил по брёвнам, наполся на ножик, который был воткнут в бревно, и распорол об него ногу. У него была привычка втыкать нож в бревно.

Утром нам пришлось ехать домой. Он ещё две недели ходил по больницам, где его потчевали уколами. Так что в следующие выходные пришлось ехать на рыбалку одному.

Был 1987 год.